

Юлия Лавряшина

Пока, лосось!

Повесть

Москва 2019

УДК 82-93
ББК 84(2=411.2)6-4
Л13

Оформление
Валерий Калныньш

Иллюстрации
Капыч

Лавряшина, Ю. А.

Л13 Пока, лосось! : повесть / Юлия Александровна Лавряшина;
худож. Алексей Владимирович Капнинский. — М. : Время,
2019. — 176 с. : ил. — (Время — детство!).

ISBN 978-5-9691-1829-4

Жизнь Альки похожа на калейдоскоп событий! Приключения сами находят её, а если не находят, то она их придумывает, как сочинила и песенку про лосося, которую запела вся школа. Никто не догадывается, как непроста жизнь этой весёлой, остроумной девчонки. Отчего Алька плачет ночами? Что её утешит? Кто станет ей настоящим другом, а кого героиня этой истории потеряет навсегда? Увлекательная и трогательная повесть «Пока, лосось!» даст ответы на все вопросы. Вместе с Алькой ты проживёшь отрезок жизни от восьми до одиннадцати лет и многое прочувствуешь. Да так глубоко, что никогда не забудешь эту девочку...

Автор книги — прозаик Юлия Лавряшина, написавшая более сорока книг для детей и взрослых, лауреат Международной детской литературной премии имени В. П. Крапивина.

ББК 84(2=411.2)6-4

ISBN: 978-5-9691-1829-4

9

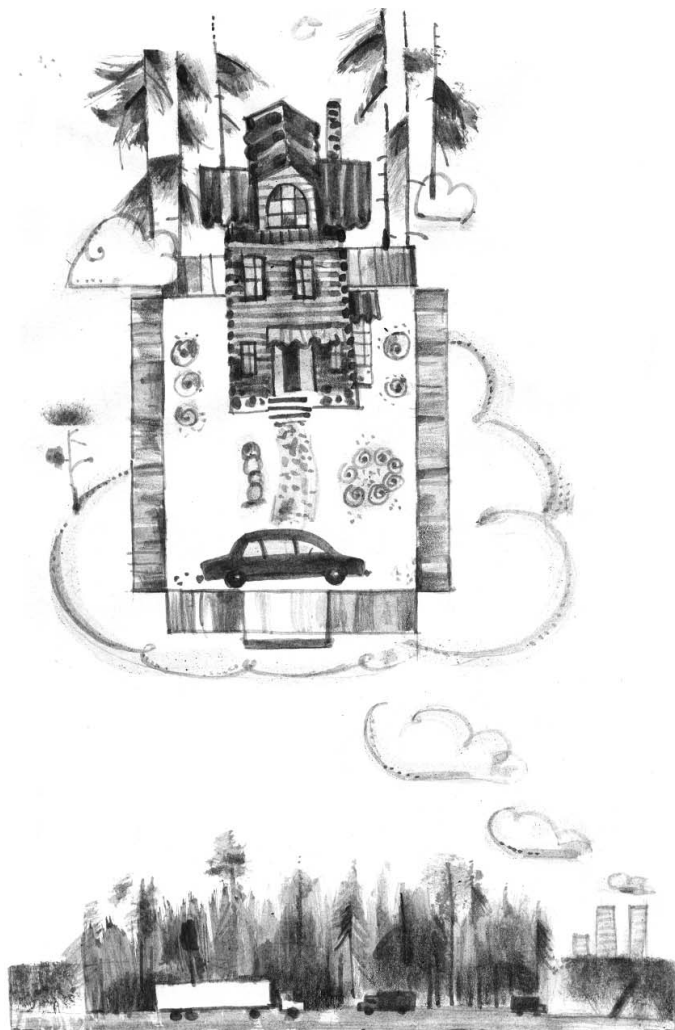
7 8 5 9 6 9 1 1 8 2 9 4

© Лавряшина Ю. А., 2019

© Капнинский А. В., иллюстрации, 2019

© «Время», 2019

Часть первая

ВОЛЧЬЯ ЯГОДА

В моей комнате пахнет соснами — окна всегда нараспашку. Папа специально выбирал для будущего дома место, где растут только хвойные деревья: сосны, ёлки... И ещё очень хитрые деревья — лиственницы. Они прикидываются хвойными, а сами осенью сбрасывают иголки! Я видела, как под ними в октябре появляется жёлтый-жёлтый коврик.

Хотя осенью мы в наш терем редко приезжаем... Надо же ходить в школу, а она — в городе. Я целых два года отходила.

Сейчас каникулы, и папа привёз нас с бабушкой и дедушкой к нашим любимым деревьям с иголочками! На остальные у меня аллергия, особенно на берёзы. И это очень обидно, потому что они мне нравятся. Радостные такие!

Стены нашего высоченного терема из той самой лиственницы-хитрюги. Бабушка говорит, что я живу в светёлке. По-правильному — это мансарда. Здесь мне никто не мешает, можно читать сколько захочешь. Или хоть час сидеть с куклами прямо на полу. У них золотистые локоны и розовые ручки с ямочками у локтей. Я выворачивала свои руки и осматривала локти: раньше на них тоже были ямочки. Куда делись?

От белых сетчатых занавесей тени на полу кажутся вышитыми крестиком. Рядом с окном стоит самое лучшее — этажерка с книгами, которой уже миллион лет! Папа сказал, она антикварная и очень дорогая. Я её оберегаю: если у мамы совсем не будет денег, можно будет тайком вытащить этажерку, пусть продаст и купит себе еды. Наверное, это хорошо, что ей не приходится кормить ещё и меня...

Больше всего на полках моих, детских, книжек. Они высокие, лаковые и расписные, как глиняные игрушки. А на самом верху громоздятся «взрослые» книги. Не знаю, почему их поставили ко мне? У этих книг таинственные названия: «Кентавр», «Янки при дворе короля Артура», «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»... Интересно, о чём они?

У «Кентавра» обложка чёрная, вдобавок ещё и обугленная, и страницы изъедены огнём. Она об-

горела во время пожара «местного значения», как назвал его папа. Это он оставил на столе окуроч. Пожар действительно был маленький, игрушечный такой, но я очень перепугалась. До сих пор в моей жизни ничего страшнее и не случилось. Это где-то далеко от нашего дома гибнут люди, разбиваются самолёты... У нас ничего такого не происходит.

Сегодня утро было таким же улыбчивым, как и всегда летом. Хотя бабушка пыталась добудиться меня строгим голосом:

— Алечка! Давно пора вставать.

Подниматься ко мне ей тяжело, она всегда зовёт меня со второго этажа. Туда-то с трудом забиралась — у неё астма. Даже не поднимая ресниц, я хорошо вижу, как светится надо лбом её серебристая корона. И глаза у неё светятся — огромные, серые. Дедушка называет их роковыми, не знаю почему.

Я думала, у бабушки чёрные брови, хоть волосы и поседели, а однажды увидела, как она их рисует карандашом! Но ничего ей не сказала. У каждого должен быть свой секрет. Не такой уж он и страшный!

Моя бабушка — дама. Серёжка так и сказал:

— Я к вам не пойду. Твоя бабушка такая светская дама... Я её боюсь.

Серёжка в этом хорошо разбирается, он старше меня и уже читает Александра Дюма. Бабушка говорит, мне ещё рано в руки брать такие книги. А меня так и подмывает всё-таки взять в руки «Трёх мушкетёров» и посмотреть, что случится? С Серёжкой ничего не произошло. Только много новых слов узнал... Но разве это плохо?

Жену писателя Рогожина, дом которого стоит по соседству с нашим, Серёжка называет гризеткой. Я даже боюсь спрашивать, что значит это слово... Но он произносит его так презрительно! Сам писатель, считает Серёжка, большой жлоб. Ведь он целыми днями сидит на лужайке в кресле-качалке и никогда ничего не пишет. И ни с кем не разговаривает, как будто и не видит никого. А вот меня видит! Со мной он любит поболтать, если можно это так назвать. Он долго мычит, прежде чем выдать хоть слово. И слюни закипают у него в уголках губ. Я стараюсь не смотреть на его рот. У писателя два, а то и целых три подбородка! Серёжка уверен, что у него ещё «бабий зад». Это не совсем приличное выражение, поэтому я никогда не повторяю его при взрослых.

А вдвоём с Серёжкой мы разговариваем о разных вещах! И ещё всякие страшные истории рассказываем. Одна особенно жуткая называется «Жёлтое пятно». Вы её знаете? Она о детском лагере.

Я никогда не поеду в лагерь, так папа сказал. Это для бедных... Жалко, что я не бедная, мне очень хотелось бы побывать в лагере! Только, понятно, не в таком, как в этой истории: там в комнате девочек ночами стало появляться жёлтое пятно. И ту, которая на него взглянет, оно душило! Серёжка так страшно рассказывал, что я каждый раз прямо вся умирала. Даже ладошки мокрыми становились.

Когда я вышла после завтрака, писатель уже сидел в своей качалке. Он всегда неподвижно сидит, как будто спит. А на самом деле ему просто лень качнуться! Что за человек?! Иметь такую замечательную вещь, как это кресло, и не то что не раскаться как следует, а даже ни разу не оттолкнуться ногой! Разве это нормально?!

Я постаралась пройти мимо него неслышно, проскользнуть по не просохшей от росы траве. Но писатель как будто караулил меня. Сразу раскрыл глаза и зашевелился.

— Алечка, — громко причмокнув, промычал он, — куда пошла, девочка?

Этот вопрос я слышу уже несколько лет. Когда я только научилась что-то отвечать, говорила ему: «Я пошла в гамазин. Куплю мяса». Бабушка задыхаться начинала каждый раз, как это слышала. Вскидывая полные, даже с виду тёплые руки, она

воскликнула театральным голосом: «Боже мой! Все дети мечтают о конфетах и тортах. И только наш ребёнок бредит мясом, которое ест каждый день! Люди подумают, будто мы морим тебя голодом».

Сейчас я уже большая и отвечаю Рогожину, что пошла прогуляться после завтрака. А если вижу, что гризетка подслушивает, то обязательно добавляю:

— Завтрак был очень плотным и калорийным. Бабушка меня хорошо кормит! После такой трапезы вредно сидеть, вот я и гуляю.

Слову «трапеза» меня тоже научил Серёжка.

Чувствую, писателю с каждым годом становится всё скучнее со мной разговаривать. И вообще я «израстаю», как сказала гризетка. И добавила:

— Раньше Алечка была молочно-розоватым херувимчиком с кудряшками... А сейчас и кудри распрямились, и коленки торчат.

Я сейчас как веточка: уже расцвела, но шелестеть ещё не научилась. Это не я сама про себя такое придумала, это мама сказала. Она меня редко видит, я после их развода осталась с папой и бабушкой, вот и замечает все перемены. И писатель, наверное, замечает, мы же с ним через зиму встречаемся.

Да что мне этот писатель! Мама меня не любит, понимаете?! Вообще не любит. Даже почти не

вспоминает обо мне. Я ей первое время каждый день открытки посылала, только вот писать тогда не умела, и не доходили они. Я каракули рисовала и писала печатными буквами: «Мама». А почтальон, наверное, думала, что кто-то издевается, и сердилась. Представляю, как она ругалась! Серёжка так умеет.

Открытки я у бабушки брала, она своим сёстрам и братьям к праздникам отправляет. Папа ей сразу про запас купил целую тысячу, и они лежат в ящике стола. А я беру по одной. Это же ничего? А почтовый ящик прямо за домом Рогожина — на углу магазина. Мне туда разрешают одной ходить.

Я всё от мамы ответа ждала, хоть и прочесть не смогла бы. А бабушка не стала бы читать... Она маму не любит, обзывает её детдомовкой. И до сих пор ругает папу за то, что на старости лет он связался со шпаной. Мама и вправду в детдоме выросла. Наверное, поэтому она меня и не любит, ведь её же никто не любил.

Это ужас просто, когда тебя никто не любит! Меня вон сколько народу любит: и папа, и бабушка, и дедушка, и Серёжка. Он ко мне из соседнего посёлка ходит каждый день, хотя уже большой, и я боюсь, что ему со мной неинтересно. Но он говорит: интересно, даже очень. Наверное, потому, что я ему всякие книжки рассказываю. Он и сам

много читал, но всё ведь невозможно прочитать, правда?

Я ему про поезд рассказывала, который называется «Голубая стрела». Ужасно люблю эту сказку! Только она немножко грустная... И про чёрную курицу тоже. Но мне как раз такие сказки и нравятся, хоть я и плачу каждый раз. И маму вспоминаю.

Вот я всё думаю: она папу не любит за то, что он ругал её часто и был слишком старым для неё, а меня за что? Я ведь всегда её слушалась, только иногда мебель корябала и ногти грызла... Но сама мама говорила, что ей плевать на их паршивый терем и всё, что в нём. Так и говорила. «Их» — это бабушки с дедушкой.

Все меня любят, а лучше б одна мама любила...

Когда она в последний раз приезжала, я показала ей стихи, которые сама сочинила. Мама прочитала и спросила:

— Что ж ты, Сашенька, такие тоскливые стихи пишешь? Может, тебя обижают здесь? Только скажи, я им устрою!

Она одна зовёт меня так, ведь моё полное имя — Александра. Для остальных я Аля, мне это больше нравится. А то кто-нибудь крикнет: «Сашка!», и все подумают, что я пацан. Правда, я тут у Гайдара прочитала про одного мальчика, Альку... По-

чему его, бедного, девчоночьим именем назвали? А потом вообще убили! Я так плакала, когда до этого места дошла... Больше не буду Гайдара читать... А нечего детей убивать! Если я не только стихи буду сочинять, то в моих книжках никто ни одного ребёнка не тронет. Но додумать до конца историю что-то пока не получается — мысли скачут!

А маме я не смогла объяснить, почему стихи такими получаются. Никто же меня никогда не обижал. А почему о грустном думается, я надеялась, она сама поймёт.

Потом я их Серёжке прочитала, и ему стихи понравились. Он не стал задавать глупых вопросов, всё понял и повёл меня на земляничную поляну. Здорово он знает все места заповедные! На эту поляну ещё никто из дачников не забредал, и мы налопались там до отвала.

Серёжка мне там всякие приёмчики самбо показывал: он в секции занимался, пока они в городе жили. А потом его родителям приспичило в деревню переехать, подальше от цивилизации. Серёжку со старшим братом они, понятно, с собой увезли. Теперь они в Сосновке живут. От нашего коттеджного посёлка до их деревни всего-то минут десять идти. Серёжка уже стал как настоящий деревенский: загорелый такой, смелый и всё делать умеет. Ему уже двенадцать лет исполнилось, его дразнят,

наверное, что он с мелюзгой связался. А он просто влюбился в меня — и всё. Он сам так сказал, когда от змеи меня спас.

Это было в самом начале лета. Мы забрели в чащу леса, а там не земля, а сплошные корни от сосен! И все такие узловатые, кривые, как пальцы у той старушки, что нам по утрам молоко носит. У неё кожа тёмная и сеточкой покрыта, будто изрезана. И руки всегда трясутся... Кур воровала, что ли?

Так вот, пробирались мы по этим корням, чуть не завалились несколько раз и так хохотали, что сами чуть не оглохли! Серёжка нарисовал ягоды малины полосы на лице, воткнул в волосы папоротник и объявил себя индейцем. А потом меня изрисовал, дал палку и назвал старухой-индейкой. А я сказала, что индейка — это жена индюка. И тогда мы начали хохотать! Я над ним, а он — не знаю над чем.

Потом я думала: хорошо, что он тогда мне палку дал, а то где бы мы её взяли, когда змея появилась? Она совсем незаметно выползла, я бы её среди корней и не увидела. А Серёжка разглядел и побледнел весь, даже глаза загорелись. Будто два светящихся шара вместо глаз возникли... Он вырвал у меня палку и толкнул в грудь так, что я чуть не упала. Я уже почти обиделась, но тут тоже заметила змею и как заорала! А Серёжка размахнулся и палкой её

по голове! Он её долго бил — боялся, что оживёт. Но она сразу сдохла, старая змея попалась. Гадюка.

Потом Серёжка взял её за хвост и принёс к нашему дому. Я поняла, зачем он это сделал: чтобы мне разрешили играть с ним. Бабушка же не любит деревенских. А тут уже никуда не денешься — он мне жизнь спас! Правда, он для себя меня спас... Ведь Серёжка сказал, что, если б я умерла из-за гадюки, он тоже умер бы.

Тогда я и поняла — он влюбился в меня. Только непонятно, почему он решил, что змея не его укусила бы?

Когда я вырвалась от писателя, то быстрее побежала к забору, которым огорожен наш посёлок. Серёжка уже ждал меня там и поглядывал одним глазом на солнце, как будто умел определять по нему время. У него есть часы, но ему хочется быть похожим на Следопыта и других героев Фенимора Купера.

Я уже читала эту книгу, хотя мама сказала, что девятилетний ребёнок должен читать только сказки. Папа заспорил с ней, и они опять поссорились. Зря они, я и сказки тоже очень даже люблю! Только это всё слишком детские книжки. А я ведь расту среди взрослых, как же мне их книги не читать? И потом «Следопыт» не очень-то взрослая книга, папе же она неинтересна!

Зато Серёжка только такие любит. Я тайком вынесла ему «Человек, который смеётся», а он вернул наутро и сказал, что это скука. А ведь Гюго тоже француз, как и его любимый Дюма! Трудно в этом разобраться...

Сегодня Серёжка почему-то надел не сандалии, а кеды и притащил с собой рюкзак.

— Ты в поход собрался, да? — спросила я, пробуя рюкзак на вес.

Он оказался лёгким, почти пустым.

— Не я, а мы, — сурово поправил Серёжка и опять, сморщившись, посмотрел на солнце. — Ты где была так долго?

— Проспала... Если б меня бабушка не разбудила, я до сих пор, наверное, дрыхла бы. Вчера ты меня умотал со своим сенокосом!

Это его ничуть не смутило:

— Я тебя закаляю. Мне нужна надёжная подруга. Правда, ты маленькая ещё...

Он вдруг посмотрел на меня таким жалеющим взглядом, будто я была какая-нибудь четырёхлетка и не осталось надежды на то, что я вырасту. Так на меня иногда папа глядел.

— Я совсем даже не маленькая. — Я почувствовала, что сейчас просто заплачу от жалости к себе. — Я только по годам младше тебя! А дети, между прочим, все по-разному развиваются.

— Ладно, вундеркинд, — он похлопал меня по спине, — не обижайся! Я придумал здоровский маршрут.

Развязав рюкзак, Серёжка показал небольшой, стакана на два, термос и пакет с чем-то съедобным. На дне лежало ещё что-то, но я не разглядела.

— А теперь ты должна раздобыть одну вещь, — затягивая рюкзак, произнёс он командирским тоном. — Мы отправляемся в горы. Ты когда-нибудь лазила по горам?

Конечно, я никогда не лазила по горам, поэтому сразу струсила. Но Серёжка попытался приободрить меня:

— Это невысокие горы, всего метров сто, не больше. И потом — мы же привяжемся!

— К чему привяжемся? — спросила я жалобно.

Такой голос раньше у меня появлялся, когда я читала вслух: «Уронили мишку на пол...» Я раньше всегда плакала, читая эти стихи. Только тогда мне было жалко мишку, а теперь себя.

— Как к чему? — удивился Серёжка. — Ты ко мне, а я к тебе.

Он сказал это так, что я сразу успокоилась.

— Только привязаться нечем, — озабоченно проговорил он, надевая рюкзак. — Ты должна достать страховку.

Я растерялась:

— Где ж я её достану? У нас дома нету...

— Вот именно что есть! — выпалил Серёжка, торжествуя. — А твои скакалки? Они же старые, закрученные. Надёжней всякой бельевой верёвки.

Я даже запрыгала на месте: как это он здорово придумал! У меня ведь скакалки были ещё бабушкины. Как она их только сохранила?! Бабушка сама говорила, что теперь таких не выпускают. Значит, они какие-то особенные! Нам в самый раз.

— Только ты смотайся одна, — вдруг предложил Серёжка и снова снял рюкзак. — Я тебя здесь подожду.

Отставив ногу, я постаралась придать лицу надменное выражение:

— Ты что, боишься?! Пожалуйста, можешь оставаться здесь. Только я не знаю, отпустят меня или нет.

Он сделал удивлённый пых губами.

— А чего тебя не отпустят? Всегда же отпускали!

— Как хочешь... Но я не обещаю.

— Алька, — Серёжка взял меня за плечо, но почему-то сразу отдернул руку, — ты же знаешь, что твои предки не разрешают нам дружить. Зачем дразнить их?

— Ты их плохо знаешь! — крикнула я обиженно. — Они очень добрые и всех любят.

Это я, конечно, приврала. Кто же может любить всех людей?

Серёжка скривился, как от лимона, и чуть отодвинулся. Теперь лицо его стало полосатым из-за теней, падавших от сосновых веток. Он всё кривил своё полосатое лицо и говорил каким-то неестественным, лающим голосом:

— Помнишь, когда я змею прикончил? Твоя бабушка ещё пригласила моих родаков на чай. Типа в благодарность. Всё было так вежливо, церемонно. А потом, когда мы уходили, я услышал...

— Что? — У меня прямо в животе всё похолодело.

— Твоя бабушка сказала твоему папе: «Это люди не нашего круга, не надо Алечке играть с этим Серёжей. Дурному научится». Очень тихо сказала, но я услышал.

— Неправда, — сказала я неуверенно.

У нас в семье действительно не любили «кухаркиных детей», но при чём тут Серёжка?

— У тебя же мама не кухарка!

— А доярка, — хмыкнул он. — Хоть и на собственной ферме, но для твоих это без разницы... Зато мои родители честно деньги зарабатывают!

— А кто нечестно? — насторожилась я. — На кого это ты намекаешь?

Глаза у Серёжки вдруг стали синими-синими и ужасно злыми. Он прошипел: